Кузин Юрий 23.10.02

Культура. – 2002. – 17–23 окт. – с. 9

Современность 60-х

"Ковчег" Юрия Кузина

Кадр из фильма

В том, что при экранизации Юрий Кузин переименовал "Причал" Геннадия Шпаликова в "Ковчег", нет загадки. Причал – место отдыха, стоянка для одного-единственного судна. От причала до ковчега – один шаг. По реке плывет баржа. На ней шкипер и юная девушка Катя, ее называют невестой. Есть еще помощник, лошади на продажу и женщины в белых косынках, ухаживающие за лошадьми. Звучит музыка. Вокруг леса, поля, города, изменчивый пейзаж. Главное, что есть он и она. У Шпаликова он хочет привести на баржу восьмилетнего сына (предварительно украв его у бывшей возлюбленной), чтобы дополнить гармонию, но, передумав, оставляет его спящим на берегу. Кузин заставляет героя взять мальчика с собой, но делает сынишку четырехлетним. Если бы шкипер бросил такого младенца, он был бы подлецом. В таком контексте ассоциаций с Ноем не возникло бы.

В шпаликовском сценарии прочь от города уплывают он и она. В фильме мужчина и женщина привечают на борту ребенка, образуя святое семейство. Следующая ступень – вечный образ богоспасаемого корабля с ограниченным числом избранных жизней, коим предстоит уцелеть во вселенском потопе. Нормальная трансформация для пятидесяти лет. При написании сценариев Шпаликов старался вдохнуть в негероичную жизнь романтический пафос, органичный сюжету, как корове седло. В дневниках и литературе не на продажу, напротив, переходил к драме. "Погода сама говорит за то, что в этот безбожный век скоро будет всемирный потоп и нужно строить ковчег", – писал Шпаликов незадолго до того, как завершил "Причал", хотя во времена работы над этим сценарием конец света и сопутствующие ему ковчеги были больше туманной метафорой, нежели категорией, обиходной как в жизни, так и в кино. Кинематограф оценил символичность ковчегов куда позже, спустя годы.

Этим летом состоялись две российские премьеры: на фестивале в Выборге "Русский ковчег" Александра Сокурова и картина Юрия Кузина в Анапе на "Киношоке". По странному стечению обстоятельств последние три года Кузин следует за Сокуровым. В 1999-м они сняли по фильму о Гитлере – "Молох" и "Левшу". В 2002-м – призвали спасать или спасаться.

"Причал" долго не поддавался экранизации. Многих пленяла внешняя простота отношений мужчины и женщины на реке, на суше, в городе и на барже, обманчивая, как в "Аталанте" Жана Виго, к лентам которого Шпаликов питал нежные чувства. "Причал" можно назвать шестидесятнической стилизацией "Аталанты". Писатель убрал из любовной истории любовь. Шкипера и Катю Шпаликов уткнул носом в удручающую вечность общего быта. Мотив любовной лодки даже не возник. Кузин попытался преодолеть ситуацию, выбрав на роль Кати молодую актрису Карину Разумовскую. Но, пожалуй, лишь усугубил ситуацию. Видно, что героиня, как юная девушка, увлечена не конкретным мужчиной, а чистой идеей любви. И преследует она шкипера, и носится за ним, как может бегать молодой здоровый организм, щедро и с удовольствием разбрасывающийся силами.

Фильм подменил подлинную романтику, исследующую глубины души, сухой атрибутикой, поверхностной экзальтацией, оторванными от действительности плоскими эмблемами романтизма. Иначе зачем Катя едет на лодке, привязанной к барже, машет косцам, и они в ответ поднимают блестящие косы? Зачем ей бросать под ноги лошадям белые перчатки жениха? К чему бродить ночью по незнакомой Москве, натыкаясь на искусственных персонажей, которых мы бы сейчас назвали "германовскими"? Укротитель, который застрелил льва и проливает по нему слезы на набережной. Рота солдат, со счастливой улыбкой жующих мороженое и гурьбой провожающих Катю. Девушка с контрабасом, вылезающая на рассвете из окна пятого этажа. Кузин, сохраняющий на улицах современной столицы этих несвоевременных персонажей, будто поголовно сбежавших из дурдома, не очень убедительно настаивает на том, что Катю, как очередную провинциалку, шагающую по Москве, прельщают своеобразные советские/российские люди, а не соблазны ослепительного мегаполиса.

Кузин переносит многие сюжетные повороты и диалоги Шпаликова в свое кино. "Ковчег" рождает мысли и настроения, похожие на те, которые вызывает "Причал". Смысл и значение этих произведений можно было бы пытаться оценивать по одним законам, если бы не разница в десятилетия, исключающая равное отношение к оригиналу и стилизации. Чем конкретней стремишься сохранить идентичность, тем значительнее должна быть коррекция на время. Кузин снимает кино так, будто современность равна шестидесятым. Вероятно, мода на шестидесятничество показалась ему достаточным для этого основанием.

Насаждая свой сценарий ночными приключениями и нетривиальными героями, Шпаликов пытался компенсировать бескровность, размеренность и бедность современной ему действительности. Уже пятнадцать лет российский зритель может жаловаться на что угодно, только не на скуку жизни и нехватку эмоций. Дядя с пистолетом, убивший льва? Видели мы дяденек, охотящихся не на диких кошек. Девушки в окнах с чужими вещами, увы, не редкость. О психопатах можно не вспоминать. Возможно, Кузин, создавая кинематографический вымысел, более убогий, чем реальность, хотел вернуть не нравящееся Шпаликову время в очищенном, романтизированном ракурсе, в котором мы вспоминаем о прошлом, и таким образом подчеркнуть пропасть между сегодня и вчера. Правда, это напоминает поездку в Малаховку через Владивосток.

Фильм, названный "Ковчег", имеет шанс выплыть. Ибо затрагивает мифы и символы, въевшиеся в сознание. В зависимости от эстетического опыта зритель, не вдаваясь в сущность кино, может вспомнить "Титаник", "Лузитанию" и другие потонувшие корабли. Если совсем не удастся связать концы с концами, как в случае с "Ковчегом", никто не запретит сослаться на все объясняющие "корабли дураков", к которым не может быть претензий. Впрочем, бесспорное достижение "Ковчега" – роль Евгения Сидихина, его разбитной шкипер. Кузину, как некогда Льву Кулешову, удалось дезавуировать знаменитого артиста как одного из главных символов постсоветского кино. Оказывается, улыбку Сидихина, как гримасы Мозжухина, можно трактовать в зависимости от контекста. В "Ковчеге" он улыбается и ведет себя ровно так же, как в остальных своих фильмах, однако видно, что он мерзавец, а не герой.

Евгения ЛЕОНОВА